

– Что... и каким он был? – тихо спросила Сидни, постукивая пальцами по своему деревянному столу. Хотя её голос и не дрогнул, она мгновенно изменила свой вопрос, что Дрейк никак не ожидал увидеть от неё. Когда дело касалось этого человека, Гостхаунда... казалось, что всё и вся идёт вразнос. Даже Система.

Не то чтобы этот парень не заслуживал такого отношения. За свои две встречи с ним у него осталось яркое впечатление о его могуществе, что, несомненно, заслуживало внимания. И пусть он не казался тем, кто сходит с ума от своей силы, как Бесстрашный, или теряет себя среди бессмысленного затягивания и пышности, как в Перекрёстной Звезде. Когда-то он основал Деревню, что и сейчас служила превосходным образцом дисциплины и порядка. А ведь как человек он весьма неразговорчивый.

Дрейк приоткрыл рот. Даже он начал восхищаться этим человеком. Всё дело было в том... что Сидни...

– Он... – наконец ответил Копперникус, глубоко задумавшись над её вопросом. – Он выглядел... возбуждённым и сосредоточенным. А ещё он... был явно потрясён, когда я упомянул твоё имя. Между вами...?

После этого даже Вандал поднял голову, хотя мальчик делал всё возможное, чтобы скрыть своё любопытство. Все подчинённые Сидни были хотя бы немного влюблены в неё, независимо от того, как сильно они подавляли или отрицали эти чувства. И дело было далеко не в её внешности. Хотя сама по себе она была очень красивой, а с приходом Системы она стала только красивее.

И если бы Дрейк попытался описать её красоту, то Сидни была как...

– Это судьба... – тихо прошептала Сидни. Её голос казался очень подавленным, словно она сильно устала.

– Она всё настаивает на том, чтобы свести нас вместе. Мы знали друг друга... задолго до прихода Системы. Он первое воспоминание, что появилось у меня...

Дрейк моргнул. В ней что-то изменилось. Сидни всегда хладнокровно игнорировала мнение всех остальных, словно целенаправленно отвергая текущее положение, чтобы преследовать свои личные цели. Но теперь, когда она говорила об этом мужчине, хватило всего одного предложения... Дрейк всё осознал, и что-то сжалось в его груди.

– Во всяком случае... что нам известно о Рейд Подземелье? – спросила Сидни, сменив тему, и её взгляд снова наполнился прежней силой и решимостью.

– Если речь о том, что не говорилось в уведомлении, то почти ничего неизвестно. Перекрёстная Звезда собирает силы, а группа Гостхаунда не спеша возвращается в Деревню, – сообщил Дрейк. – Скорее всего, наши источники смогут разузнать больше, когда встретятся с

их Советом Директоров. Предполагая, что они начнут собирать группу для зачистки Рейд Подземелья, должны ли мы...?

- Пока ничего не делай, - ответила Сидни, сжимая свою руку и создавая в ней ледяной кубок. Взяв бутылку и откинув крышку, она наполнила свой кубок. Красная жидкость в ней невероятно напоминала кровь, хотя Дрейк и знал, что эта тёмно-красная жидкость была обычным вином. Поднеся кубок к губам и попробовав напиток, Сидни продолжила:

- Он придёт сюда сам.

- В поисках драки...? - пробормотал Вандал, сжав кулаки, но Копперникус спросил громче:

- Откуда ты знаешь, что он придёт сюда? - спросил скелет, взмахнув руками.

- Потому что... - ответила Сидни, откинувшись на спинку стула. - Так работает судьба.

Их группа продолжала свой путь обратно к Перекрёстной Звезде. Большинство из тех, что ехали верхом на Невза, были людьми из Доннитауна. В это время Симон отдельно ехал и сидел на спине своего спутника Связи Души, наблюдая за Гостхаундом, что сидел с закрытыми глазами. Казалось, что он сейчас был за тысячи километров отсюда, что заставляло Симона нервничать.

Поскольку его внимание было... слишком далеко отсюда, и он обнаружил там нечто, что очень волновало Симона. А ведь Симон так искал возможности поговорить с Гостхаундом.

Его эмоции в течение последних двух недель были очень яркими и сильными по отношению к Гостхаунду. Однако когда он стал свидетелем его последнего боя против Рыцаря-Скелета, Симон почувствовал, как его упрямство рассыпается на части, заставляя его чувствовать себя глупцом. Конечно, его обманули, но... Почему он так резко отнёсся к этому...?

Но на этот вопрос Симон уже знал ответ. Всё было потому, что он так отчаянно желал не испытать на себе подобной логи. Она словно разрушила все связывающие их отношения. Симону приходилось настаивать на своей уверенности в том, что он больше никогда и ни с кем не сможет подружиться. Он обвинил во всём Давида, Гостхаунда. Что было совершенно не честно по отношению к нему.

«Давид» – всего лишь имя. Они ведь... всё ещё были друзьями, верно...? Ничего ведь не изменилось, правда...?

Ну, они были друзьями всё время за исключением двух недель, на протяжении которых Симон старался избегать каких-либо контактов с ним... Разве кто-нибудь может счесть это достойной причиной, чтобы перестать дружить? К тому же Гостхаунд, казалось, так же сожалел и чувствовал вину из-за своей лжи, ведь так...? Так что он определённо поймёт...

Его мысли ходили по кругу, вновь и вновь заставляя его сомневаться в себе. Он настолько глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как его бык догнал Невэа и закинул Симона ей на спину.

Он неловко приземлился рядом с Гостхаундом, который слегка обернулся, заметив его. А потом Гостхаунд моргнул и полностью развернулся к нему.

– Эмм... привет, – сказал Симон, что сейчас ни мог думать ни о чём другом. Гостхаунд молча кивнул, и выражение его лица оставалось нейтральным, хотя по лёгкому движению его глаз Симон заметил, что Гостхаунд также обратил внимание на него и потерялся в мыслях.

– Я... не отниму у тебя много времени... – начал Симон тихим голосом, усевшись поудобнее на спине Невэа. – Но... есть кое-то, о чём я... хотел... мы должны обсудить.

– Конечно, – голос Гостхаунда был таким же глубоким и обнадеживающим, как и голос Давида. Внезапно Симон почувствовал, что покалывание на его шее прошло без следа. Когда он обернулся, то увидел человека, сидевшего в нескольких метрах от Гостхаунда, что не отводил от него взгляда с момента его попадания на спину Невэа, а теперь расслабился. Хотя даже сейчас он время от времени поглядывал на Симона. Мужчина вертел пальцами свой кинжал, и тот сверкал своей рукояткой, которую украшал драгоценный камень.

Убийца Доннитауна, Деклан.

Симон вспотел и быстро потерял самообладание. Но теперь, когда он уже привлёк к себе внимание Гостхаунда, что пристально смотрел на него...

– Ничего особенного, – выпалил Симон, не зная, что ещё сказать. По выражению лица Гостхаунда можно было сказать, что он удивился. Немного приободрившись, Симон продолжил:

– За границей Зоны... нет ничего, кроме тьмы. Это своего рода барьер, верно? Но моя Астральная Проекция может пройти через него. За ним... метров через тридцать начинается резкий обрыв. Словно... кто-то взял нож для торта и вырезал огромный кусок земли.

В тот же миг на лице Гостхаунда изменилось множество выражений. Любопытство,

насторожённости, затем вспыхнуло беспокойство, но в конце верх взял интерес. Усмехнувшись, с лёгкой иронией в голосе он спросил:

– Словно гигантский нож для торта...? Вот что такое Система?

Симон покраснел. Но он почему-то знал, что усмешка Гостхаунда была добродушной. В следующий момент вся необоснованная жестокость, которую Симон копил в себе из-за терзающего его гнева, полностью растаяла.

– Ты преодолел свои... границы? – обыденно спросил Гостхаунд.

– Ага... – кивнул Симон, – Как ты и сказал. Мой страх. А я ведь... действительно не решался уходить слишком далеко от моего тела, но просто... знаешь? Это было так странно... Почему я был скован таким ограничением? И я понял... что его нет. Я могу пойти куда угодно. И когда я увидел уведомление о Рейд Подземелье, я подумал... я захотел увидеть. Где мы находимся на самом деле.

– Единственная проблема в том, что мы не знаем, всегда ли так было или нет... – подытожил Гостхаунд, что нахмурился и перевёл взгляд на Невза. Он потёр подбородок. Симон почувствовал укол вины в своей груди из-за того, что ему потребовалось так много времени, чтобы решиться на такое путешествие вдаль от своего тела. Но когда сейчас он ощутил это чувство, то пришёл к пониманию другого.

При всех достоинствах и силе Гостхаунда частенько случались моменты, подобные этому, когда он что-то небрежно говорил, даже не задумываясь о том, как его слова повлияют на других. Гостхаунд, вероятно, так никогда и не узнает, как сильно его странный ответ ударил по неуверенности Симона. Но в то же время Гостхаунд всегда решительно действовал в ситуациях, когда Симон страшился последствий.

Но главным образом Гостхаунд действовал так не потому, что он не мог чётко выделить эти моменты. Если бы он обратил на них свой довольно грозный ум, подпитываемый его высокими характеристиками... Исходя из этого... ему не хватало чего-то, что заставило бы его задуматься, прежде чем действовать. Именно поэтому его первым побуждением всегда было действие, а не ожидание.

В этом мире подобное отношение могло стать величайшим навыком, в котором кто-либо когда-либо нуждался, чтобы стать величайшим человеком в Зоне, а может и во всём мире. Но из-за этого он упускал из виду множество более мелких и тонких моментов.

Деклан с ленивым выражением всё ещё следил за Симоном, а затем зевнул. И именно поэтому они так защищали его, ведь сам Гостхаунд ничем не управлял. Он был поддержкой и опорой. Человеком, который мог творить чудеса. Но его социальные навыки были немного...

Симон не знал, смеяться ему или плакать. Гостхаунд, будучи Давидом, не просто прятался и

пытался быть тише травы. Он на самом деле был обычным парнем, который наслаждался тем фактом, что никто не знал, кем он был и что он из себя представляет. И единственный раз, когда он заговорил об этом...

Чтобы облегчить его ужасную боль и помочь Симону. Это был единственный раз, когда он вынужден был заговорить. Симон испустил протяжный вздох, что заставило Гостхаунда обернуться и взглянуть на него.

- О, не волнуйся об этом. На самом деле сейчас это не так важно, - сказал Гостхаунд. Собрал по кусочкам их диалог и последующий вздох Симона он понял, что Симон мог почувствовать себя виноватым.

- Система, скорее всего, делает это нарочно. И то, как перестраивается мир, зависит от того, кто прошёл этот этап. По крайней мере, я так думаю...

Затем Гостхаунд умолк и снова начал уходить в себя.

Чего не хотел Симон. Потому прежде чем это случилось, он выпалил:

- Прости.

- За что? - удивлённо спросил Гостхаунд, посмотрев на него.

- Я... мне очень жаль. За то, как сильно... как я был глуп в течение последних двух недель, - признался Симон слабым голосом. - Я не должен был быть таким резким с тобой.

В следующий момент яркие изумрудные глаза Гостхаунда пронзили каждую клетку тела Симона. Этот хмурый и напряжённый взгляд не был похож ни на что, что он когда-либо встречал раньше. Это был Гостхаунд, появившийся на поле битвы. Человек, который мог сразиться в дуэли с Чемпионом и победить. Человек, который чуть не умер, и, возможно, умер бы, если бы не вмешательство и исцеление Симона.

Это было... отличное чувство.

Гостхаунд рассмеялся, а его лицо расплылось в улыбке.

- Не переживай так сильно. Я просто рад, что мы вновь вместе.

В этот момент Симон понял ещё одну причину, по которой этот человек был таким сильным. В то мгновение, в его заявлении не было ни единого колебания. Это была чистая и искренняя благодарность. И быть рядом с ним, чтобы чувствовать это снова...

Ради этого Симон был готов пойти на многое.

<http://tl.rulate.ru/book/6561/880121>